

Содержание

Вступление	5
Горечь удалить	7
Свекровь тебе — не мама	16
Доехать до бабушки	24
Дорога домой	27
Лопату жалко, или О странностях женской логики	32
Последнее дело матери	37
Через тепло ее дыхания	50
Простить сына	58
Новогоднее приключение двух подруг	66
Глава 1. Новогодняя карусель	66
Глава 2. Отдохнем коллективом!	79
Обида	101

Дачу продала	122
Найденка	126
Наволочки для бабушки	135
Колготки	141
Забрать деда	145
Брошенный... ..	158
Подарок не себе	167
Сердце ляжет на облезлого кота	173
Свадебный каравай с трещиной	182
Только будь жива, дочка	196
Старый маяк	212
Плохие соседи	217
Хочешь согреться — грей	229

Вступление

Иногда несчастный случай становится помощником в осуществлении многолетней мечты.

Одной левой я писала свои первые рассказы. Да-да! В прямом смысле. Моя правая рука была сломана после попытки сделать очередной пируэт на катке. «Ну, раз фигуристка из меня не вышла, стану-ка я писателем», — подумала я, хотя головой об лед точно не ударялась. И ничего, что работает одна левая рука, — она вполне себе попадала по клавишам. Зато мыслей, хоть и путаных, рассеянных, в голове была масса.

А еще появилась уйма свободного времени. Раньше его отсутствие было главной причиной, почему я не могла заняться тем, чем заняться давно мечтала.

Я не просто так окончила филологический факультет — книги всегда были моей страстью. Впрочем, думаю, как и вашей, дорогие читатели. Моя основная работа тоже с ними связана, я — библиотекарь.

Когда случился перелом, я почти на два месяца выпала из своей очень активной жизни. Занималась сочинением рассказов я, конечно, и раньше, но, скорее, для рабочих нужд или просто для себя.

Обыкновенные чудеса

А в этот период я создала блог и потихоньку начала рассказы публиковать. Если честно, такого роста читателей на канале, таких отзывов о моем творчестве я вообще не ожидала. Просто любила и до сих пор люблю сам процесс работы. Но аудитория выросла очень быстро.

Читатели давно рекомендовали издать рассказы, собрав их в книгу. Но мне казалось, что еще не время, еще не хватит сил и опыта. И когда поступило предложение от издательства АСТ, я была и рада, и взволнована. Казалось — трудно будет справиться. Но я решилась. И вот книга вышла на ваш суд.

Как охарактеризовать мои истории? Это нелегко. Главное для меня — коснуться струн души читателя. И чтобы сердце, как камертон, отозвалось, пробудило калейдоскоп личных воспоминаний и ощущений.

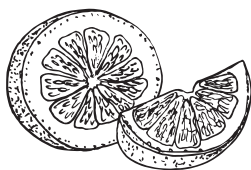
Казалось бы — рассказы, написанные мной, такие разные. Об одних читатели пишут: «Я разревелась прямо сидя на работе», о других: «Так смеялась ночью, что разбудила мужа».

Но есть у них и общее: все они о нас с вами, все они о хороших людях и о том, что добра в мире намного больше, чем зла. Мои рассказы — о всеобъемлющей, живущей в наших сердцах любви, которая и есть самый великий стержень жизни.

Очень верю в то, что мое творчество оставит след в ваших душах, принесет радость и волнение. А лучше даже, если подскажет честные жизненные пути. Я ох как надеюсь на это!

Иначе — зачем писать?..

Горечь удалить

В супермаркете на кассе Николай пристроился за нерасторопной старушкой. Забежал на секунду, его уже ждала любимая Ксюха. Он взял бутылочку вкусного вина, шоколад и два крупных грейпфрута.

Мужчина спешил, а у этих старушек, видимо, времени — вагон. Бабушка перед ним очень медленно рассчитывалась за свои скромные покупки, рылась в кошельке, задавала пустые банальные вопросы кассирше.

Собирая продукты в авоську, рассыпала лук. Николай помог все собрать.

— А что это у вас такое? — спросила старушка, глядя на грейпфруты в корзине Николая.

— Это грейпфрут, бабушка, типа апельсина, только больше. — У Николая не было особого желания болтать, скорей бы рассчитаться — и к Ксюхе.

— Ну да, больше. Никогда не пробовала.

Она, наконец, отправилась к выходу. Заплатив, Николай вышел из магазина, сел в машину, завел мотор. И тут опять увидел ее — старушку, обходившую автостоянку и ни разу не пробовавшую грейпфрут. Ох ты, Господи!

Обыкновенные чудеса

Николай заглушил машину, достал из пакета фрукт и отправился к бабушке. Что за порыв вдруг? Николай и сам себе удивился.

— Бабушка, вот, возьмите, — и он сам положил ей в торчащий край авоськи грейпфрут. — Смотрите, попку ножиком отрежьте, там шкура толстая, а потом на дольки. Только мякоть кушайте, из дольки вынимайте ее, потому что горчит иначе. Горечь надо удалить.

— Да что ты, милый! Не надо бы... — но эти слова старушка говорила уже вслед проявившему неожиданную щедрость молодому человеку.

Николай быстро развернулся и ушел. А потом еще минуты три думал, что есть же у нас вот такие старушки, которые не могут позволить себе даже взглянуть в магазине на некоторые продукты. Удивительно для сегодняшних дней!

Но размышлял об этом он недолго. Закрутила встреча с любимой, суэта будней и грандиозные планы на выходные. В воскресенье должна была произойти долгожданная встреча со старыми друзьями-одноклассниками.

Николаю было под сорок. Он был давным-давно разведен. Женился по молодости, обжегся о материальные трудности, нахватался тяжелого семейного быта досыта, нарвался на конфликты с молодой женой и всей ее семьей. Повторять этот опыт не хотел. Хоть детей у них не появилось, и то хорошо.

Вырос Николай в простой семье, помогать ему было некому. И когда тесть в пылу ссоры назвал его нищепродом, было очень больно.

Мать Николая жила в поселке, а с нею и его старшая, тоже разведенная, сестра с двумя детьми, его племянниками. Сестра работала учителем, мать — пенсионерка. Им самим бы кто помог! Но женщины не жаловались, справлялись.

Николай навещал родню редко. Он впрягся в работу с головой — лишь бы вырваться из безденежья!

«А что, тесть не прав?» — размышлял потом Николай. Прав! У него, действительно, ничего нет.

После трудностей неудачной семейной жизни Коля решил: пока на ноги не встанет, о семье думать — не сметь! Долго копил на квартиру, отдавал кредит, менял работы. Сейчас устроился в серьезную компанию по установке дверей, и не просто рабочим — Коля являлся одним из ее руководителей.

Уже все утряслось — есть и жилье, и авто, приличные накопления на счетах — но какой-то страх перед браком все равно остался, горчинка такая. Никак Николай не мог насладиться свободной жизнью и тратами, не мог решиться на семью. У друзей уже повзростали дети, а он все еще выбирал невесту и копил на счастливую жизнь.

Воскресную встречу ждал давно. Матвей — друг детства, не виделся лет сто. Глеб приедет из Москвы специально, а с Иваном, хоть он и живет здесь же, они встречаются редко — у того трое детей.

Дружба дружбой, но все равно хотелось показать и свой материальный достаток. Время сейчас такое, успешность жизни определяется именно им.

И потому Николай перед встречей заехал в салон и приобрел себе чуть ли не самую новую модель телефона.

Они с друзьями встретились в кафе. Засиделись до утра, из-за выпитого потеряли счет времени. Сначала не спеша, несколько вальяжно, перебирали свои достижения, потом жаловались на проблемы, пели песни, клеились к корпоративной компании женщин. И наконец, когда уже начали падать со стульев, засобирались домой. Как это часто бывает при подобных встречах старых друзей — слегка перебрали. Вернее, не слегка.

Обыкновенные чудеса

Николай еще помнил, как он Глеба и Ваньку грузил в такси, как клялся жене Матвея, приехавшей за мужем, что они «и выпили-то совсем немного», и что Матвей — его друг до доски гробовой. Так проникся этой клятвой, что даже плакал и бил себя кулаком в грудь.

А больше Коля ничего не помнил. Проснулся на автобусной остановке, рядом со скамьей, лежащим на земле. На дворе — ноябрь, слякотно. Мужчина помнил, что кто-то его толкал и, наверное, пинал. Болело все, мимо ходили прохожие, какие-то женщины спросили, не плохо ли ему, и не вызвать ли скорую. Коля что-то промычал в ответ, перебрался на скамью и опять уснул сидя.

Потом проснулся окончательно. Замерз. Люди ждали транспорт, выходили и заходили в автобусы.

Николай проверил карманы — пусто. И нигде нет шапки. А она была дорогая — мужская зимняя кепка на натуральном меху. В пальто должен лежать дорогой телефон, купленный только вчера, бумажник с документами, немалыми деньгами и карточками. Ни телефона, ни бумажника не было. Николай огляделся — но потеря не нашлась. Хотел узнать время — часов на руке тоже не оказалось.

Погоуляли!

Коле было нехорошо. Он с трудом поднялся и, сделав пару шагов, почувствовал что-то в ботинке. Чуть не упав от головокружения, наклонился и достал из-под ноги связку ключей. Ну, хоть они на месте!

Николай направился к Ксюхе, благо она жила неподалеку. Но любимой дома не оказалось, и ему ничего не оставалось делать, кроме как брести домой. Поймать бы такси, но, как назло, рядом машин не было.

С трудом поднявшись на свой четвертый этаж, Коля рухнул на кушетку в прихожей. «Вот идиот, — думал он. — Теперь и права, и паспорт надо будет восстанавливать!»

Часы не очень дорогие, а вот шапка, конечно, подороже». Больше всего он переживал за телефон и документы.

Потом добрался до кухни — хотелось пить. После пары стаканов стало полегче, и он улегся на диван.

Теперь можно было и подумать. Стоп! Николай резко сел, и острая головная боль заставила застонать.

Он вспомнил, что не поставил на новый телефон блокировку. А в бумажнике лежит листок, на котором четко написан код: «Сбербанк — ...» Коля недавно его сменил, боялся забыть. Это значит, что любой, кто овладеет его телефоном и карточкой, может зайти в Сбербанк и снять всю наличность, которую Николай копил годами!

— О-о-о, блин! — Он схватился за голову.

Теперь уже потеря документов, телефона, шапки и прочего казалась не такой значительной. Могли исчезнуть все накопления!

Надо было срочно заблокировать карточку! Но как, если под рукой нет телефона? Возможно, уже поздно. Сколько он провалялся на остановке? Все его сбережения давным-давно кто-нибудь снял! А на счету накопилась ох какая приличная сумма! На жизнь будущую — семейную. Все — коту под хвост...

Николай нацепил шлепки и вышел на лестничную площадку, постучался к соседям. Безрезультатно — тех не оказалось дома. Но Коле нужно было срочно позвонить в банк!..

Ближе всех жил Матвей, через дом. Коля начал натягивать ботинки, и тут что-то хрустнуло в носке. Он засунул туда руку и достал свернутый в несколько раз магазинный чек. На обратной стороне было написано: «Ваш телефон и бумажник у меня, ул. Северная, д. 8, кв. 17».

Николай не сразу даже сообразил, что это — спасение. Он отложил бумажку и еще несколько секунд продолжал собираться к другу, пока не понял — идти-то надо

Обыкновенные чудеса

на Северную. Эта улица тоже была недалеко. Конечно, под окном стояла его машина, на связке имелись и ключи от нее, но Николая еще качало, права были утеряны, так что он отправился пешком.

Дверь подъезда оказалась с кодом, поэтому пришлось ждать, пока кто-нибудь из нее выйдет.

— А вы к кому? — спросила женщина, сморщившись от исходящего от Николая «аромата».

— Я в семнадцатую!

Женщина подозрительно посмотрела на него, но пропустила.

Дверь семнадцатой была обита старым выцветшим дерматином. Николай постучал по косяку. Открыли:

— Ой, ну слава Богу, очухался. А я тебя будила-будила! Все утро жду. И записку, значит, нашел?

— Нашел. Так это вы написали? — Николай переступил через порог.

— Сейчас. — Старушка, завернутая не то в одеяло, не то в шаль, углубилась в недра квартиры, а Николай прислонился к косяку. Ноги еще плохо держали.

Бабуля вынесла телефон и бумажник. Николай сразу заглянул внутрь кошелька: все на месте. Проверил счета — порядок.

А старушка рассказывала, как оправдывалась:

— Я рано встаю и, пока народу поменьше, прогуливаюсь. Хорошо, когда спят все. Машин нет, да и ветра тоже. Смотрю — а на остановке-то лежит кто-то. Поняла уж, что живой, выпимши сильно. Будила-будила, да где там! — Старушка махнула рукой. — Еще и какие-то рядом болтались, позже уж появились, не понравились они мне, думаю — обворуют ведь парня, и прикинулась, что вы мой сын. Говорю: «Вставай, Миш, вставай». Да разве вас добудиться! — Бабуля перешла на вы. — Вот и села рядом, а сама на них кошусь, потихоньку бумажник и те-

лефон забрала и записку вам в носок засунула. И ключи туда же пихнула.

— А шапку вы мою не забирали? И часы.

— Не-ет, вы замерзли бы, — разволновалась старушка. — В шапке вы были, точно в шапке. Не брала я. А часы вот вообще не видела.

Бабушка затревожилась. Вдруг на нее повесят кражу! Не зря же говорят: не делай добра, не получишь зла.

Николай тревогу старушки почувствовал.

— Что вы, бабушка, я не обвиняю. Видно, шапка с часами «ноги сделали», ну и ладно. Вы так меня выручили! Я уже не знал, куда бежать: и документы надо восстанавливать, и деньги могли бы уплыть со счета! — Николай с облегчением вздохнул и от того, что проблема, так неожиданно свалившаяся на него, разрешилась, весь как-то обмяк и, съехав по косяку, присел на пол.

— Да что ж ты! Давай-ка вот присядь. Не отошел еще, видать! Сейчас я тебе рассольчику капустного налью.

Николай вошел на кухню и присел на маленький табурет. И тут увидел на подоконнике аккуратно порезанные шкурки от грейпфрута. Стоя в темной прихожей, Николай даже не узнал в закутанной шалью старушке ту самую бабушку из магазина.

Он выпил рассол и, уже хитро улыбаясь, спросил:

— Как вам грейпфрут? Распробовали?

— Да горький. Угостили вот меня хорошие люди, а я думаю — за что его так любят? Горчит больно. Уж лучше яблочек себе с пенсии возьму.

И тут бабуля увидела хитринку в глазах Николая, догадалась, взялась за сердце и выдохнула:

— Так это ты че ли там, у магазина? Ну, вот те и на! Скажите, люди хорошие!

Они познакомились. Николай еще немного посидел, выслушал рассказ о том, как Зинаида Юрьевна позвонила

Обыкновенные чудеса

соседке по подъезду, и как они вдвоем решили, что если хозяин не объявится, им нужно будет вместе в полицейский участок идти и под опись все сдавать...

— Я могу вас чем-нибудь отблагодарить?

— Нет, нет. Не надо ничего, — замахала руками бабушка. — Я ведь просто — от души. Жаль мне вас, молодых!

Николай взял ее номер телефона. Он уже понимал, что вернется. Сейчас стыдно почему-то было оставлять бабушке денег. Но, открывая хлипкую дверь, он окинул ее профессиональным взглядом и сказал:

— Зинаида Юрьевна, мы еще увидимся.

* * *

Через три дня к дому Зинаиды Юрьевны подкатил автомобиль с надписью «Двери вашей мечты». Николай набрал номер бабушки, и, когда она открыла подъезд, началась работа. Старые двери были безжалостно выломаны, а на их место встала новая — железная, теплая, с качественными замками. Всю отделку Николай завершал уже сам, возился до вечера. Он устал, но сейчас с плеч уходил какой-то груз — может, горечь прежних обид? Ему первый раз в жизни было ничуть не жалко денег.

К грейпфрутам Зинаида Юрьевна так и не пристрастилась, хоть Коля и научил ее правильно очищать горькие дольки. Но теперь мужчина регулярно завозил старушке яблоки, и часто в пакете с яблоками она обнаруживала хорошую колбаску или еще что.

— Вот хитрец! — досадовала она. Неудобно ведь! Но душой была рада.

— Добрый он, Коля-то, — говорила она соседке, а та каждый раз повторяла, что просто добро к добру тянется.

После этого случая у Коли тоже жизнь изменилась. Он сам это почувствовал. Исчезла обида на бывшего те-

стя, уже не хотелось никому ничего доказывать, и главное — с души упал какой-то камень. Николай чувствовал себя свободным.

И мать с сестрой вдруг заметили, что Николай им помогать начал деньгами. А раньше копил, да и вообще скуповат был. Теперь в гости стал чаще ездить, и непременно с коробкой грейпфрутов. Когда мать в первый раз, всплеснув руками, спросила, зачем столько, Коля ответил:

— А вдруг ты их не пробовала. Они вкусные, не горькие совсем, только есть надо уметь.

Вот и в жизни, как в грейпфруте, есть и сладость мякоти, и горечь пленки. Как ни крути, одно без другого существовать не может. Главное — научиться отделять.

Свекровь тебе — не мама

Они сидели, закутавшись в одеяло, на стареньком диванчике и пили чай с печеньем. В квартире стояла прохлада, и на плечи обоих были накинуты свитера.

Сегодня — выходной.

«Вот так бы и сидеть всю жизнь рядом с Витькой, — думала Алька. — Только так. Вдвоем — и никого-никого больше».

Аля и Витя еще не были женаты, оба заканчивали учебу. Аля — университет, Витя — военное училище. Летом намечалась свадьба.

— Когда к моим поедем? — вставил в разговор Витя, тем самым испортив Але настроение. — Нам сейчас свободное посещение объявят, можно отпроситься на недельку.

У Али тоже шло преддипломное время, и, в принципе, исчезни она на неделю — никто бы и не заметил. Но ехать не хотелось.

С родителями Виктора они еще не знакомились, а вот к маме Али уже съездили. И потому Витя имел полное право требовать знакомства и с его родителями перед свадьбой.

Но слово «свекровь» вызывало у Али бурный вунтренний протест.

— Ты знаешь, я никогда не смогу назвать твою маму — мамой.

— Почему?

— Ну, потому что мама у меня одна — моя. И это — мой принцип.

Виталий не понимал, но и не спорил. Так — значит, так. Лишь бы любимая Алька была всегда рядом.

А у Альки были на такое странное поведение свои причины. Не личные, конечно, а семейные.

Бабушка, которая принимала самое непосредственное участие в ее воспитании, рассказывала ей о своей свекрови вот что.

Когда-то бабушка с севера «приехала замуж» в южно-русское селение. Следуя традициям, еще на свадьбе поклонилась в ноги родителям мужа и назвала их мамой и папой.

Видимо, приезжая невеста не очень семейству нравилась, планировали свою — местную. И свекровь начала невестку воспитывать.

Бабуля всю жизнь не могла простить одного: в пять утра, когда она, успокоившая беспокойное новорожденное дите, наконец-то засыпала, свекровь ее будила. Надо было собирать мужчин на работу. Каждая — своего.

Свекровь ставила в печку котелок с картошкой только для своего мужа — для свекра, а сына должна была кормить его жена. Готовился еще один котелок. Вот и толклись они обе у маленькой печки. И если молодая невестка отвлекалась на ребенка, не успевая что-то состряпать, ее молодой муж уезжал на целый день без еды. Свекровь была жестока.

— Свекровь, — вздыхала, вспоминая, бабушка, — это тебе не мама!